

Е Жуй первым узнал подошедшего, и на его губах появилась легкая улыбка. Он тихо произнес:

— Принц Нань.

Мужчина в черных одеждах, с красивыми чертами лица, темными глазами и бледной кожей, в чертах которого словно застыла непроницаемая мгла, остановился рядом с ними. Услышав приветствие Е Жуя, на его лице мгновенно появилось выражение почтительности:

— Приветствую ваши высочества.

Е Сюй, который никогда не испытывал особой симпатии к этому заложнику из Дацзиня, невольно вспомнил о великой битве между Дацзинем и Далуном, после которой Далун отдал принцессу замуж, а Дацзинь прислал принца, чтобы показать, что между двумя странами не будет войны в течение двадцати лет. Услышав его голос, он поднял бровь:

— Разве ты не занимался живописью? Как ты сюда попал?

Е Жуй, услышав, как его младший брат говорит с явной долей сарказма, украдкой взглянул на Нань Цзинлуна, зная, что этого заложника сейчас опекает старший брат, наследный принц. Если бы из-за картины возникла ссора, это было бы неразумно. Поэтому, не увидев на его лице недовольства, он повернулся и тихо отчитал брата:

— Восьмой брат, как ты разговариваешь?

Е Сюй, услышав упрек старшего брата, равнодушно закатил глаза, бросив взгляд на склонившегося Нань Цзинлуна, и внезапно сменил тему:

— Я знаю, что принц Нань тоже пришел посмотреть на картину наследника Цзяна. Но я предупреждаю: если принц Нань, увидев картину наследника Цзяна, признает свое поражение, то все в порядке. Если же он не признает, то ему придется представить картину, которая сможет соперничать с ней, и не пытаться увилить.

— Восьмой брат, что ты несешь?

Е Жуй, услышав в его словах вызов и пренебрежение, почувствовал головную боль, понимая, что вообще не стоило соглашаться на просьбу мачехи-императрицы взять восьмого принца с собой на весенний пир в княжескую резиденцию.

— Принц Нань обладает безупречным характером, как он может сделать то, о чем ты говоришь?

Сказав это, он тут же улыбнулся и взглянул на Нань Цзинлуна в черных одеждах, мягко произнес:

— Принц Нань, восьмой брат всегда был избалован в дворце, и если он говорит что-то неприятное... прошу, не принимай это близко к сердцу.

Лицо Нань Цзинлуна оставалось непроницаемым. Услышав явно пренебрежительные слова Е Сюя, он не показал никакого гнева, сохраняя прежнее выражение, и, склонившись, тихо ответил:

— Восьмой принц наивен и мил, как он может сказать что-то неприятное? Третий принц, вы преувеличиваете.

Услышав это, Е Жуй вздохнул с облегчением, поняв, что он действительно не воспринял это всерьез. Е Сюй, стоявший рядом, закатил глаза и громко произнес:

— Главное, чтобы ты не увиливал. Я сам не считаю себя ни наивным, ни милым, просто говорю прямо. Если я что-то не так сказал, прошу принца Наня не обижаться.

Нань Цзинлун поспешно склонился, выражая смирение, что заставило Е Сюя потерять к нему интерес. Вместо этого он поднял глаза и посмотрел на белую фигуру, стоящую вдалеке, с выражением сложных эмоций на лице.

Он не знал, что думает в этот момент его старший брат, третий принц. Он только знал, что когда впервые услышал о наследнике князя Сяояо, который, хотя и держал воинскую бирку, не имел армии и военных заслуг, и был законнорожденным шуаном, вызвавшим множество споров, он невольно вздохнул.

В каком-то смысле, этот наследник обладал силой, словно ребенок, держащий в руках огромное богатство, которое привлекает завистливые взгляды, но не способный защитить себя, что только ухудшало его положение.

Но когда он увидел спокойный и безмятежный взгляд Цзян Лоюя и его картину, он вдруг понял, что все доклады, которые он получал от своих шпионов о наследнике князя Сяояо, были ложью, специально созданной, чтобы ввести в заблуждение всех, кто следил за ним в столице.

Думая об этом, Е Сюй невольно моргнул, выражение его лица стало еще более мрачным.

Он думал, что это будет мягкая цель, но оказалось, что это каменный лев.

Разве эта картина черных облаков и злых духов, переплетенных в черно-белых тонах, не является лучшим доказательством?

Нань Цзинлун, стоя рядом с двумя принцами, также посмотрел в сторону беседки, его взгляд остановился на картине, которую он не мог разглядеть четко, но чувствовал ее содержание, а также на человеке, который все еще держал кисть, с выражением задумчивости на лице.

Он не ожидал, что наследник князя Сяояо, о котором ходили слухи, что он избалован в резиденции Сяояо, сможет выразить такую горечь и ненависть в своей работе, даже превзойдя его, заложника, который с детства покинул родину и жил в постоянном страхе за свою жизнь.

Думая об этом, его взгляд на спину Цзян Лоюя наполнился сочувствием, но в глубине его глаз мелькнула неясная жесткость.

Через некоторое время, когда картина Цзян Лоюя была почти завершена, все знатные особы, которые до этого занимались живописью, уже остановились и подошли к Цзян Лоюю, смотря на его работу с удивлением, а затем на свои собственные картины, изображающие людей или цветы, чувствуя, что их работа выглядит мелкой и незначительной.

Цзян Лоюй опустил кисть и, обернувшись, окинул взглядом тех, кто с сожалением выбрасывал свои работы, понимая, что достиг своей цели. На его губах появилась мягкая улыбка.

Он не знал, подошел ли уже Нань Цзинлун к беседке, и боялся, что если увидит его, это повлияет на его настроение, поэтому не посмотрел на Нань Цзинлуна, стоящего неподалеку, а вместо этого глубоко взглянул на свою картину, подошел к столу, выбрал чистую кисть, быстро подготовил золотую краску и снова подошел к картине, наклоня кисть, чтобы разбрызгать

золото на черных облаках.

После того как золотая краска была разбрызгана, под лучами солнца она медленно опустилась на черные облака, вскоре закрыв их и искаженные лица людей, словно рассвет, пробивающийся сквозь тьму, мгновенно осветивший весь мир.

Увидев это, окружающие его люди не могли сдержать возгласов восхищения, особенно молодой господин, который с первого взгляда прилип к нему глазами и не мог оторваться, одетый в роскошные одежды, с выражением восторга и восхищения на лице. Он хотел что-то сказать, но увидел, как Цзян Лоюй медленно опустил кисть и с улыбкой произнес:

— Эта картина... называется «Рассвет».

— Хорошо.

Е Жуй, наблюдавший за его спиной, мягко хлопнул в ладоши и спокойно произнес.

Нань Цзинлун, стоя рядом с Е Жуем, наблюдал, как Цзян Лоюй с улыбкой склонился в ответ, его спокойный взгляд скользнул по нему, а затем остановился на Е Сюе рядом с Е Жуем, и почему-то почувствовал легкое разочарование. Его взгляд сначала упал на картину с золотым восходом, а затем на лицо Цзян Лоюя, освещенное солнцем, которое становилось все более похожим на нефрит.

Он невольно моргнул, в его глазах все еще оставалась тень, но взгляд на Цзян Лоюя стал более любопытным.

Цзян Лоюй медленно спустился по ступеням, словно почувствовав его взгляд, и почти мгновенно поднял глаза, встретившись с ним взглядом. Улыбка на его губах, казалось, скрывала какой-то глубокий смысл, а его лицо, похожее на нефрит, сияло, словно драгоценный камень, только что извлеченный из шкатулки.

Нань Цзинлун смотрел на него, немного ошеломленный, и, после того как они встретились взглядом, быстро опустил глаза и направился к Е Сюю рядом с Е Жуем, с улыбкой глядя на восьмого принца, но в его глазах мелькнула тень, и его лицо опустилось, словно он не хотел показать, что только что смотрел на Цзян Лоюя, хотя в глубине души он чувствовал легкое разочарование.

Цзян Лоюй не знал, что чувствовал в этот момент Нань Цзинлун. Он только знал, что когда он спускался по ступеням и увидел фигуру Нань Цзинлуна, его тело начало дрожать, гул крови в ушах почти заглушил все остальные звуки, а перед глазами постепенно исчезли цвета, превращаясь в кроваво-красный и черно-белый.

Но он все равно улыбался, вежливо скользнул взглядом по человеку, которого в этот момент хотел убить, и медленно подошел к Е Сюю с странным выражением лица, тихо произнеся:

— Ваше высочество, князь Лян, моя картина... достойна ли вашего внимания?